КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

16-го Октября. № 20. 1874 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ПОКРОВА ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ [1]).

«Видиши ли, брате, Царицу и Госпожу всѣхъ молящуюся о всемъ мірѣ».

Въ X вѣкѣ, въ царствованіе Льва Мудраго, греческаго императора, сильные непріятели Сарацины вторглись въ Грецію и приближались уже къ столицѣ. Слабые внѣшнею силою, но еще не бѣдные благочестіемъ, греки спѣшатъ въ храмы Божіи и просятъ помощи у Пресвятой Богородицы, не разъ спасавшей ихъ отъ бѣдствій. Небесная Помощница во время всенощнаго бдѣнія во Влахерпскомъ храмѣ явилась на воздухѣ молящеюся и осѣняющею бывшихъ въ храмѣ своимъ покровомъ. »Видиши ли, брате, Царицу и Госпожу всѣхъ молящуюся о всемъ мірѣ?« сказалъ св. Андрей своему ученику и другу »Вижу, св. отче, и удивляюся,«

[1]) Печатается по резолюціи Его Высокопреосвященства.

отвѣчалъ Епифаній. Услышавъ о семъ явленіи, устрашенные греки утѣшились, воодушевились и враги были скоро прогнаны. Въ память сего событія и учрежденъ праздникъ Покрока пресвятыя Богородицы.

Событіе радостное и поучительное, но оно было въ Греціи; а потому естественно приходитъ мысль: а къ намъ Пресв. Дѣва такъ же ли милостива, какъ къ единовѣрцамъ византійцамъ? Можно ли въ исторіи нашего отечества указать на случаи, подобные Покрову пресв. Богородицы надъ Цареградомъ?

Издревле Россія чтила небесную Царицу, какъ первую свою Покровительницу и Защитницу. Великіе князья наши ей посвятили первые, знаменитѣйшіе храмы: храмъ Десятинный Владиміровъ украшался Ея св. имснемъ; соборъ Софійскій Ярославовъ храмовымъ праздникомъ ставитъ рождество Ея; великая Кіево-печерскія лавры церковь посвящена памяти Ея Успенія и сохраняетъ съ древнѣйшихъ временъ чудотворную икону Успенія, которою, по древнему преданію, сама Божія Матерь благословила св. обитель Кіево-печерскую чрезъ святыхъ ея строителей, а съ тѣмъ вмѣстѣ благословила и все отечество наше. Съ той поры во всей Россіи нѣтъ почти города, нѣтъ области, которая бы не могла повѣдать о чудесахъ Заступницы нашей усердной. Прослѣдите все обширное пространство отечества нашего и на каждомъ почти шагу встрѣтите то храмъ посвященный Ея имени, то чудотворную икону Ея, точащую исцѣленія. Кто съ вѣрою притекаяй къ Пречистой не получалъ исцѣленія душевнаго вкупѣ и тѣлеснаго? Не разъ спасала Она и цѣлое отечество наше отъ такихъ тяжкихъ бѣдствій, отъ которыхъ не было никакихъ земныхъ средствъ избавиться и по расчетамъ человѣческимъ приходилъ ко-

нецъ Россіи; такъ что, дѣйствительно, если бы не пресв. Владычица, предстояла молящи, кто бы насъ избавилъ отъ толикихъ бѣдъ, кто же бы сохранилъ донынѣ свободны?

Изъ безчисленнаго множества чудесъ покрова Богоматери надъ Россіею припомнимъ здѣсь только нѣкоторыя, особенно достопримѣчательныя въ исторіи отечества нашего.

Много бѣдъ перенесла Россія во времена татарскаго ига; не разъ дикая татарская сила устремлялась на ея конечное разореніе. Въ 1395 году страшный завоеватель Востока Тамерланъ, вступивъ въ предѣлы Россіи, привелъ ее въ ужасъ, все истребляя огнемъ и мечемъ. Не надѣясь силою отразить страшнаго врага, предки наши обратились къ помощи Царицы Небесной. Великій князь Василій Дмитріевичъ для защиты столицы велѣлъ перенести чудотворную икону Ея изъ Владиміра въ Москву. 26 августа было умильное зрѣлище: безчисленное множество народа встрѣчало икону, и всѣ стоя по обѣимъ сторонамъ дороги, преклоняя колѣна, съ усердіемъ и слезами взывали: »Матерь Божія! спаси землю Русскую«. И въ тотъже день Тамерланъ видѣлъ во снѣ величественную и благолѣпную Жену съ тьмами воиновъ, которые всѣ устремилися на него, и врагъ Россіи, гонимый небеснымъ гнѣвомъ, удалился. Икона Владимірская поставлена была навсегда въ Успенскомъ соборѣ, и въ честь ея установленъ праздникъ 26 августа. И въ послѣдующія времена Россія въ дни общественныхъ бѣдствій всегда обращала на нее молитвенные взоры. Предъ нею молился вел. кн. Іоаннъ Васильевичъ при нашествіи Ахмата, который шелъ ограбить и разорить Москву,—и свершилось новое чудо Божія Матери. На татаръ напалъ страхъ; они начали отступать тихо и медленно, а ночью побѣжали никѣмъ не гонимые,

такъ какъ никого изъ русскихъ воиновъ и не было за Окой (праздникъ 23 іюня). Предъ тоюже иконою молились русскіе и въ 1521 году во время страшнаго нападенія Махметъ-Гирея и Казанцевъ. Предавъ огню все отъ Нижняго Новгорода до береговъ Москвы рѣки, враги плѣнили несмѣтное число жителей; продавали невольниковъ толпами въ Казани и Астрахани; слабыхъ престарѣлыхъ морили голодомъ, оскверняли святыню храмовъ. Все трепетало. Ханъ 29 іюля среди облаковъ дыма, подъ заревомъ пылающихъ деревень, стоялъ уже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы, куда стекались жители окрестностей съ ихъ семействами и драгоцѣннѣйшимъ имуществомъ. Улицы заперлись обозами, всѣ искали спасенія въ Кремлѣ, и всѣ усердно молились пресв. Богородицѣ предъ чудотворною Ея иконою. И Москва сверхъ-естественно, заступленіемъ Владимірскія Божія Матери, спасена и спасла всю Россію. Татары увидѣли вокругъ города безчисленное войско русское и съ ужасомъ «побѣгоша», какъ замѣчаетъ лѣтописецъ.

Съ Божіею помощію Россія освободилась отъ дикихъ татаръ и подчинила ихъ своему владычеству. Но за два съ половиною вѣка предъ симъ злодѣйская рука пресѣкла въ ней послѣднюю отрасль державную племени св. Владиміра. Казалось отъ возникшихъ по сему случаю смутъ и нестроеній внутреннихъ, отъ угрожавшихъ бѣдствій внѣшнихъ не было уже надежды избавленія для нашего отечества. Въ Россіи настали времена полнаго междуцарствія со всѣми ужасами безначалія. А живой призракъ царевича, давно убіеннаго, являясь неоднократно, возбуждалъ въ Россіи междоусобіе за междоусобіемъ, волновалъ города, производилъ смуты въ цѣлыхъ областяхъ. Между тѣмъ враги

внѣшніе спѣшили извлекать свою пользу изъ неустройствъ Россіи. Шведы, занявъ Новгородъ, убѣжденіемъ и силою старались присвоить себѣ наши сѣверныя области. Король Польскій завладѣлъ Смоленскомъ и всею юго-западною Россіею. Наконецъ, самое сердце Россіи—Москва съ завѣтнымъ Кремлемъ, въ рукахъ враговъ ея, и самый вѣнецъ царскій предложенъ сыну короля иноземнаго и вмѣстѣ враждебнаго..... Не конецъ ли это Россіи? Но чѣмъ слабѣе становились ко спасенію ея мѣры и средства человѣческія, тѣмъ живѣе и сильнѣе чувствовали сыны ея нужду въ помощи высшей. «Станемъ за Русь святую, за домъ пресв. Богородицы,—продадимъ женъ и дѣтей и освободимъ отечество», воззвалъ на берегахъ Волги истинный сынъ отечества дотолѣ безвѣстный, а съ того времени знаменитый Мининъ,—и вотъ собирается рать для спасенія царства. Но что могла сдѣлать рать эта, безъ средствъ къ содержанію, безъ достаточнаго оружія, безъ единодушія, съ врагомъ сильнымъ, опытнымъ въ брани и защищеннымъ твердынями? Дѣйствительно она колеблется и готова уже разойтись. Но чистая жертва принята. Въ одну ночь, когда одинъ изъ первосвятителей нашихъ Арсеній томился у непріятелей въ тяжкомъ плѣну и тяжкомъ недугѣ, преподобный Сергій явился и сказалъ: «Ваши и наши молитвы услышаны: предстательствомъ Богоматери судъ Божій объ отечествѣ преложенъ на милость, заутра—Москва будетъ въ рукахъ осаждающихъ и Россія спасена«. И сбылись слова Преподобнаго. Радостная вѣсть сія воодушевила воинство. О имени Взбранной Воеводы, отечество спасено и въ благодарность за Ея чудесную помощь св. Церковь установила 22 октября праздникъ въ честь чудотворной иконы Казанской Божія Матери.

Не благодать ли Богоматери, изливаемая отъ чудотворной Ея иконы покрывала воиновъ нашихъ на поляхъ Бородинскихъ? »Съ нами Богъ и съ нами Божія Матерь«, говорили сыны Россіи въ годину искушенія, и воины наши безстрашно шли противъ врага всемірнаго, имѣя среди себя залогъ покровительства небеснаго въ иконѣ Владимірской.

»Видиши ли, брате, Царицу и Госпожу всѣхъ молящуюся за насъ?« Видиши ли слѣды ходатайства Ея въ исторіи своего Отечества и Православной Церкви, въ собственной твоей жизни? Если видишь, то дорожишь ли симъ ходатайствомъ, и ищешь ли помощи у Небесной Царицы и Госпожи всѣхъ? Такъ ли ищешь, какъ должно,— какъ искали ея предки наши:—имѣешь ли такую вѣру и любовь, смиреніе и искреннее покаяніе, такое усердіе къ святынѣ, готовность пожертвовать всѣмъ за вѣру Православную, за отечество и Царя Православнаго, какими привлекали Ея всесильный покровъ бѣдствующіе отцы наши. »Къ Богородицѣ прилѣжно нынѣ притецемъ, грѣшніи и смиренніи, и припадемъ, въ покаяніи зовуще изъ глубины души: Владычице, помози, на ны милосердовавши; потщися, погибаемъ отъ множества прегрѣшеній, не отврати и впредь твоя рабы тщы, Тя бо и едину надежду имамы«. Аминь.

Прот. *А. Браиловскій.*

РЕЛИГІОЗНЫЙ ХАРАКТЕРЪ ЦАРСТВОВАВШИХЪ ВЪ РОССІИ ЛИЦЪ ОТЪ ПЕТРА І-го ДО ПАВЛА І-го [1]).

(Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ въ кіевской д. академіи 28 сентября 1874 г., экстраорд. профессоромъ Ф. Терновскимъ).

Въ послѣднее время и въ ученомъ мірѣ и въ обществѣ возбужденъ сильный интересъ къ изученію новой русской исторіи. *Русскій архивъ*, *русская старина* и другіе журналы какъ свѣтскіе, такъ и духовные постоянно и дѣятельно издаютъ матеріалы, относящіеся къ отечественной исторіи XVIII и XIX вѣковъ, и находятъ себѣ обширный кругъ читателей. Мемуары, письма, фамильные документы и другіе памятники недавно прожитой жизни, доселѣ скрывавшіеся подъ спудомъ, мало по малу выходятъ на свѣтъ Божій.

---

[1]) Источники и пособія при составленіи сего очерка были слѣдующіе: »Дѣянія Петра вел«. Голикова; записки Щербатова, Болотова, Сегюра, Храповицкаго, Порошина, Державина, Дмитріева, Лопухина, Вигеля и другихъ; исторія Россіи Соловьева XIII—XXIII т; исторія Петра В. Бергмана; »представители власти въ Россіи« Андреева; »графъ Сперанскій« Корфа; «обществ. движеніе при Александрѣ» Пыпина; сочиненія Ѳ. Прокоповича и имп. Екатерины; многіе документы, помѣщенные въ *русскомъ архивѣ*, *русской старинѣ*, *чтеніяхъ общества исторіи и древностей* и т. д.

Изданіемъ памятниковъ—пока почти все и ограничивается. Очерковъ и изслѣдованій по новой русской исторіи сравнительно немного. Конечно новое время еще не можетъ быть предметомъ прочнаго научнаго изслѣдованія. События еще слишкомъ свѣжи, слишкомъ близки къ намъ; они не отодвинулись еще на историческій выстрѣлъ; объ нихъ нельзя говорить съ полною свободою, къ нимъ нельзя отнестись съ полнымъ безпристрастіемъ. И матеріалы далеко еще не всѣ исчерпаны; и каждое новое приращеніе ихъ будетъ грозить новыми передѣлками скороспѣлому зданію.

Но все-таки необходимо по временамъ остановиться, осмотрѣться въ массѣ наличнаго матеріала, сгруппировать его и такимъ образомъ представить опытъ очерка или изслѣдованія, конечно—далеко не окончательный, быть можетъ даже не долговѣчный, но все-таки могущій служить опорнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ научныхъ работъ.

Проникнутый такого рода соображеніями, я рѣшился представить благосклонному вниманію просвѣщенныхъ слушателей нѣчто въ родѣ свода свѣденій по одному изъ любопытнѣйшихъ вопросовъ новой русской исторіи. Предметомъ моей рѣчи будетъ—*изображеніе религіознаго характера русскихъ государей отъ Петра I-го до Павла I-го*. Предметъ этотъ опредѣляется съ одной стороны моимъ положеніемъ, какъ преподавателя русской *гражданской* исторіи, съ другой стороны характеромъ настоящаго собранія, какъ торжественнаго акта въ высшемъ *духовно-учебномъ* учрежденіи.

Обозначая точнѣе свою задачу, я долженъ сказать, что не *догматическія воззрѣнія* русскихъ государей и не *личная мораль* ихъ стоятъ для меня на первомъ планѣ.

Если бы мнѣ пришлось характеризовать византійскихъ императоровъ, то никакъ нельзя было бы умолчать и объ ихъ догматствованіи. Тогда была эпоха догматическаго движенія,—и государи не только принимали живое участіе въ спорахъ, но и сами становились во главѣ движенія, хотѣли быть руководителями и рѣшителями споровъ, нерѣдко и сами возбуждали волненія въ народѣ своими новоизмышляемыми догматическими формулами. Совсѣмъ иное было настроеніе ближайшаго къ намъ времени, когда интересъ къ догматическимъ спорамъ угасъ,—и совсѣмъ иное было въ данномъ случаѣ поведеніе русскихъ государей!— »*Я солдатъ и въ богословіе не мѣшаюсь*« сказалъ первый русскій императоръ и слова его сдѣлались какъ бы закономъ дѣятельности для его преемниковъ. Увлеченіе догматическими спорами Петръ великій считалъ величайшею ошибкою визант. государей и одною изъ причинъ паденія визант. имперіи. Не иначе разсуждали и преемники Петра и не хотѣли повторять старой ошибки. Они смиренно и послушно принимали церковные догматы и опредѣленія въ ихъ преданномъ церковію видѣ и не пускались ни въ какія своемудрствованія. *Я вѣрю всему, на семи соборахъ утвержденному, потому что св. отцы тѣхъ временъ были ближе насъ къ апостоламъ и лучше насъ все разобрать могли.* Такъ разсуждала имп. Екатерина II-я, государыня во всѣхъ другихъ случаяхъ склонная къ свободнымъ и самостоятельнымъ воззрѣніямъ. Очевидно послѣ этого, что для разсужденія о догматическихъ воззрѣніяхъ русскихъ государей нѣтъ ни повода, ни содержанія.

Равнымъ образомъ и личная мораль русскихъ государей стоитъ внѣ задачъ настоящаго очерка. Она исключается не по недостатку матеріаловъ; напротивъ—благодаря услуж-

ливой болтливости современниковъ мы много знаемъ о доблестяхъ каждаго государя, а еще болѣе о его слабостяхъ, несовершенствахъ и причудахъ. Нѣтъ ничего легче, какъ написать такой очеркъ, какъ напр. *о Петрѣ великомъ, какъ юмористъ*. Но не будетъ ли это—сплетня, перенесенная въ область исторіи? Личная мораль государя, какъ и всякаго человѣка есть, дѣло его совѣсти,—его личное душевное дѣло, въ которомъ онъ *своему Господеви стоитъ или падаетъ*; современники, облагодѣтельствованные государемъ или терпѣвшіе отъ него, покупали себѣ—положимъ—этимъ нѣкоторое право хвалить или порицать его; но ихъ сужденія—по существу дѣла—всегда пристрастныя и одностороннія не должны—такъ сказать—въ сыромъ видѣ переходить въ исторію, ибо исторія не есть панегирикъ или памфлетъ, ни даже собраніе нравоучительныхъ примѣровъ, ни тѣмъ болѣе пища для празднаго любопытсва. Конечно для исторіи весьма важно было бы, отрѣшившись отъ современныхъ мелочей, sine ira et studio воспроизвести объективный образъ историч. дѣятеля; но для этого потребенъ талантъ великаго художника и психолога.

Наша задача гораздо проще и опредѣленнѣе; руководясь по возможности изреченіями и поступками того или другаго государя, мы намѣрены прослѣдить, въ какой индивидуальной формѣ выражалось его религіозное чувство, какъ онъ опредѣлялъ свои обязанности предъ Богомъ, налагаемыя царскимъ саномъ, въ чемъ видѣлъ *Бога въ исторіи*, въ современной исторіи, въ которой былъ вмѣстѣ и дѣятелемъ, и которая предъ взоромъ вѣнценосца представлялась въ болѣе широкомъ и величественномъ видѣ, чѣмъ предъ взорами простаго смертнаго, подобно тому какъ предъ человѣкомъ, стоящимъ на горѣ, разстилается

болѣе широкій горизонтъ, чѣмъ предъ человѣкомъ, стоящимъ въ долинѣ.

Приступаемъ къ самой характеристикѣ.

Императоръ Петръ I-й † 1725 г.

Рѣдко въ исторіи можно найти такой цѣльный, выдержанный, отъ начала до конца вѣрный себѣ характеръ,— каковъ былъ характеръ перваго императора. Задача его дѣятельности громадна, но очень опредѣленна и опредѣлилась она съ первыхъ же годовъ его царствованія. Задача эта— образовать русскій народъ и посредствомъ образованія довести его до возможно высшей степени политическаго могущества и экономическаго благосостоянія. Съ давнихъ поръ и донынѣ противъ Петра слышался упрекъ въ увлеченіи иноземщиною, въ поклоненіи Западу, въ пренебреженіи русской народности. Ничего не можетъ быть несправедливѣе этого упрека. Россія въ ея идеальномъ видѣ была для Петра—все на землѣ; за нее онъ готовъ былъ жертвовать жизнію. «А о Петрѣ вѣдайте,—говорилъ онъ предъ полтавскою битвою,—«что ему жизнь не дорога́: жила бы только Россія во славѣ и благоденствіи». Западъ же для Петра былъ только *орудіемъ* для просвѣщенія Россіи, только *средствомъ*, цѣннымъ, пока *цѣль* не достигнута и ничего не стоющимъ по ея достиженіи. «Европа», писалъ Петръ, »нужна намъ только на нѣсколько десятковъ лѣтъ, «а послѣ того мы можемъ обернуться къ ней задомъ».

Смотря съ своей точки зрѣнія на всемірную исторію Петръ разсуждалъ такъ: «писатели поставляютъ древнее обиталище наукъ въ Греціи, но кои судьбиною временъ бывши изъ оныя изгнаны скрылись въ Италіи, и потомъ разсѣя-

лись по Европѣ до самыя Польши; но въ отечество наше проникнуть воспрепятствованы нерадѣніеиъ нашихъ предковъ, и мы остались въ прежней тьмѣ.. Теперь пришла и наша череда.... Науки коловращаются въ свѣтѣ на подобіе крови въ человѣческомъ тѣлѣ и я надѣюсь, что они скоро переселятся и къ намъ и, утвердя у насъ владычество свое, возвратятся наконецъ и на прежнее свое жилище въ Грецію. Я предчувствую, что Россіяне когда-нибудь, а можетъ быть и при жизни еще нашей пристыдятъ самые просвѣщенные народы успѣхами своими въ наукахъ, неутомимостію въ трудахъ и величествомъ громкой и твердой славы». Впрочемъ не всегда такъ весело и благонадежно смотрѣлъ Петръ на успѣхъ своего предпріятія. Громадность принятой имъ на себя задачи заставляла его сожалѣть о краткости человѣческой жизни. «Точію облакъ сумнѣнія— говорилъ Петръ въ другой разъ—закрываетъ мысль нашу, да не укоснѣетъ плодъ нашъ якоже финиковъ, его же насаждающіе не получаютъ«.

Въ виду громадности предстоящихъ работъ Петръ считалъ первымъ долгомъ какъ для себя, такъ и для своихъ подданныхъ безустанный *трудъ*: физическій и умственный, ремесленный и военный. «Потерянное время», разсуждалъ государь, «смерти невозвратной подобно есть». Онъ самъ былъ вѣчнымъ работникомъ на тронѣ. «Трудиться надобно, братецъ», говорилъ Петръ Неплюеву, «я царь вашъ, а у меня на рукахъ мозоли, а все отъ того, чтобы показать вамъ примѣръ и хотя бы подъ старость увидѣть изъ васъ достойныхъ мнѣ помощниковъ и слугъ отечеству». Трудъ— по мнѣнію Петра - это такая сила, которая можетъ совершать чудеса, можетъ пересоздавать человѣка и давать ему такія свойства, на достиженіе которыхъ онъ самъ прежде

не разсчитывалъ. Когда москвичи просили царя не отсылать ихъ дѣтей за границу, говоря: «гдѣ нашимъ ребятамъ спознать заморскія хитрости; ихъ разума на то не станетъ», то царь отвѣчалъ: «какъ развѣ мы не отъ одного Творца произведены и не отъ одного праотца происходимъ?... Мы имѣемъ такія же руки, глаза и составъ тѣла, какія имѣютъ и просвѣщенные народы; слѣд., имѣемъ равныя же съ ними и душевныя способности».

И въ этой любви къ труду мы видимъ основную черту религіознаго характера Петрова. И самъ Петръ придавалъ своему трудолюбію нѣсколько религіозный оттѣнокъ. *Молись и трудись*, говаривалъ онъ, а также: *аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ*. «Мы—писалъ царь изъ Голландіи патр. Адріану—послѣдуя слову Божію, бывшему праотцу Адаму, трудимся». «*Мы*», писалъ царь въ другой разъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ боярину Стрѣшневу, *по заповѣди Божіей къ праотцу Адаму, въ потѣ лица своего хлѣбъ ѣдимъ*.—«А что пишешь», отвѣчалъ ему Стрѣшневъ, «что въ потѣ лица своего хлѣбъ свой кушаешь, и то вѣдаемъ, что празденъ николи, а всегда трудолюбно быть изволишь, и то не для себя, а для всѣхъ православныхъ христіанъ».

Трудъ привелъ Петра къ сознанію недостаточности усилій человѣческихъ, къ упованію на Бога, къ преданности волѣ Божіей. Какъ человѣкъ умный и много испытавшій, Петръ не могъ не замѣтить, что часто самые усиленные труды ни къ чему не ведутъ, что для успѣха нужно еще что-то. Что же именно? *Благословеніе Божіе*, рѣшилъ Петръ, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ себѣ. «Быть трудолюбивымъ и честнымъ,—разсуждалъ Петръ,—вотъ лучшая политика частнаго человѣка; людямъ высшаог -зав

нія приноситъ она однако же мало пользы, *если не сопутствуетъ ей благословеніе Божіе»*.

Эта идея о волѣ Божіей, всѣмъ управляющей, о необходимости помощи Божіей, Божіяго благословенія для успѣшнаго труда проникаетъ всю общественную дѣятельность Петра и даетъ ей религіозный характеръ. Если въ своей частной жизни Петръ позволялъ себѣ нѣкоторыя уклоненія отъ строгой нравственности, быть можетъ руководясь употребляемой имъ пословицей: *кто Богу не грѣшенъ, кто бабѣ не внукъ*,—то въ общественной своей дѣятельности Петръ *ходилъ предъ Богомъ* въ полномъ значеніи этого слова.

Въ отрывочныхъ распоряженіяхъ, въ мелкихъ запискахъ, на скоро набросанныхъ, въ сужденіяхъ по поводу того или другаго случая—всюду проглядываетъ постоянное обращеніе Петра къ Промыслу. Онъ заботится о рудокопствѣ, *дабы благословеніе Божіе подъ землею втунѣ не осталось*. Онъ публикуетъ о правильномъ употребленіи Олонецкихъ минеральныхъ водъ, *дабы сей отъ Бога дарованный даръ хулы отъ неразсужденія простыхъ людей не воспріялъ*. Онъ радуется о развитіи суконной фабрикаціи и свою радость выражаетъ въ такихъ словахъ: «сукна дѣлаютъ, и умножается сіе дѣло изрядно, *и плодъ даетъ Богъ изрядной»*. Въ письмѣ къ Менщикову изъ Петербурга, царь выражается такъ: «*дай Боже*, чтобы у васъ такое было веселье, какъ въ семъ святомъ мѣстѣ»; вообще выраженія: *дай Боже*, *если Господь благословитъ*, *воля Всевышняго понудила*, *вручаю въ сохраненіе Вышнему* встрѣчаются чуть не въ каждомъ письмѣ. Что это были не слова только, а выраженія истиннаго чувства, видно

изъ того, что Петръ вообще не былъ охотникъ до лишнихъ словъ.

Обращеніе царя къ Промыслу Божію оживало съ особенною силою въ радостныхъ или печальныхъ случаяхъ, какіе приходилось ему переживать. По случаю взятія Азова царь пишетъ: *нынѣ со св. Павломъ радуйтеся всегда о Господѣ и паки реку радуйтеся; нынѣ же радость наша исполнися, понеже Господь Богъ двалѣтнія труды и крови наши милостію своею наградилъ».*—«Письмо ваше о прещастливой побѣдѣ,—отвѣчаетъ царь Шереметьеву—съ превеликою радостію приняли, и *Господу Богу сердечно благодарили; ибо таковые случаи Ему единому приписывати достоитъ!»*—Получивъ извѣстіе о Ништадскомъ мирѣ, царь громогласно говорилъ народу: «здравствуйте и *благодарите Бога, православные, что толикую* долговременную *войну*, которая продолжалась 21 годъ, *Всесильный Богъ прекратилъ* и даровалъ намъ съ Швеціею счастливый вѣчный миръ».—«Николи наша Россія», писалъ Петръ уполномоченнымъ, «такого полезнаго мира не получала. Правда долго ждали, да дождались: *за еже все да будетъ Богу всѣхъ благъ виновнику вѣчну хвала»*.

Воззваніе къ Промыслу Божію не было чуждо Петру и при неудачахъ. «Господа Сенатъ!» писалъ Петръ послѣ Прутскаго пораженія, «хотя я николи бы хотѣлъ къ вамъ писать о такой матеріи, о которой нынѣ принужденъ есмь, однакожъ *понеже такъ воля Божія благоволила* и грѣхи христіанскіе допустили». «*Но буди воля Божія*—говорится въ другомъ письмѣ», ибо мы въ сей войнѣ зѣло правы, и *мню, что праведный Богъ можетъ къ лучшему сдѣлать»*.

Въ трудныхъ для совѣсти случаяхъ, которые впрочемъ при опредѣленности воззрѣній Петра были у него очень рѣдки, онъ считалъ для себя непремѣннымъ долгомъ обращаться къ закону Божію и освѣщать имъ свой путь. Таково было дѣло царевича Алексѣя. Петръ призывалъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ принять участіе въ разбирательствѣ этого труднаго для его совѣсти дѣла.

Духовнымъ лицамъ царь между прочимъ писалъ слѣдующее: «Хотя я довольно власти надъ сыномъ по божеств. и гражданскимъ правамъ имѣю..., однакожъ *боюсь Бога, дабы не погрѣшить*. Ибо натурально есть, что люди въ въ своихъ дѣлахъ меньше видятъ, нежели другіе въ ихъ. Такожъ и врачи, хотябъ и всѣхъ искуснѣе который былъ, то не отважится свою болѣзнь самъ лечить, но призываетъ другихъ. Подобнымъ образомъ сію болѣзнь свою вручаемъ вамъ, прося леченія оной, *боясь вѣчныя смерти.. Да взыщете и покажете отъ св. писанія истинное наставленіе и разсужденіе.. дабы мы изъ того усмотря, неотягченную совѣсть въ семъ дѣлѣ имѣли*».

Свѣтскимъ лицамъ увѣщаніе отъ царя было въ томъ же родѣ: «не флаттируя сирѣчь похлебствуя мнѣ и не смотря на лице, сдѣлайте правду и *не погубите душъ своихъ и моей, чтобъ совѣсти наши остались чисты въ день страшнаго испытанія*». Въ этихъ обращеніяхъ видно самое искреннее и честное желаніе царя найти правый и сообразный съ закономъ Божіимъ путь къ выходу изъ мучительнаго дѣла. «Труденъ разборъ невинности моей», говорилъ Петръ въ это время; «враги пакости мнѣ чинятъ демонскія; *Богъ зритъ правду*».

Нельзя сказать, чтобы религіозное сознаніе, внушавшее Петру во всѣхъ обществ. отношеніяхъ поступать по закону

Божію, было всегда безошибочно. Строгость перевѣшивала въ немъ милосердіе, и казня преступниковъ Петръ забывалъ изреченіе апостола: *и хвалится милость на судѣ*. Въ этомъ отношеніи любопытна одна сцена изъ эпохи стрѣлецкихъ казней. Патріархъ Адріанъ, вспомнивъ старинную обязанность святителей печаловаться за опальныхъ, пришелъ въ застѣнокъ съ иконою Богоматери и молилъ царя о пощадѣ преступникамъ. «Зачѣмъ ты здѣсь»? вскричалъ Петръ «развѣ тебя зоветъ сюда твоя обязанность? Скорѣе уходи и поставь икону на свое мѣсто: знай, что я не меньше твоего чту Бога и Его пречистую Матерь, но мой долгъ и истинное благочестіе обязываетъ меня заботиться о народѣ и карать злодѣянія, ведущія къ общей погибели».—«Я думаю», сказалъ даже царь, «что для Бога нѣтъ болѣе пріятной жертвы, какъ кровь беззаконниковъ». Петръ Великій, какъ видимъ, въ этомъ отношеніи далеко не былъ похожъ на равноапостольнаго Владиміра, котораго сами епископы должны были побуждать къ мѣрамъ строгости.—Въ другихъ же случаяхъ напр. по отношенію къ общественному достоянію совѣсть Петра была чрезмѣрно чутка и требовательна. Только жалованье, получаемое за чины, Петръ считалъ своею личною собственностію, которою могъ распоряжаться безотчетно; каждая же казенная копѣйка была для него святыня. «За каждую, говорилъ онъ, я долженъ буду отдать отчетъ Богу».—Какъ бы то ни было, но вѣра въ Промыслъ Божій, въ законъ Божій, въ судъ Божій у Петра неотъемлема и была въ немъ жива и дѣйственна.

Какъ человѣкъ вѣрующій, Петръ естественно долженъ былъ молиться. Къ внѣшнему богопочтенію Петръ относился довольно свободно. *У него законъ на свою статъ*, гово-

рили современники. По праздникамъ Петръ ходилъ въ церковь, причемъ по живости характера любилъ принимать участіе въ богослуженіи, пѣлъ на клиросѣ и читалъ апостолъ,—но богомольемъ особеннымъ не отличался. Черты древней русской набожности: постничество, долгіе земные поклоны, возжиганіе многихъ свѣчь предъ образами, любовь къ доброшумнымъ колоколамъ и пр. были не въ духѣ царя. Тѣмъ не менѣе были въ многотрудной жизни Петра такія минуты, когда онъ молился съ полною горячностію и искренностію. Такъ послѣ страшной бури на Бѣломъ морѣ, приставъ къ берегу у Пертоминскаго монастыря, Петръ съ усердною благодарственною молитвою поставилъ крестъ въ память о своемъ чудесномъ спасеніи. Такъ на поляхъ полтавскихъ надъ могилою убитыхъ воиновъ Петръ, конечно, волнуемый самыми сильными и разнообразными молитвенными ощущеніями, водрузилъ собственноручно крестъ съ надписью: *воины благочестивыѧ за благочестіе кровїю вѣнчавшїеся въ лѣто отъ воплощенїя Бога Слова 1709*. Такъ во время пребыванія въ Карлсбадѣ Петръ часто удалялся на близь лежащую гору для уединенныхъ молитвъ: и донынѣ деревянный крестъ обозначаетъ мѣсто царской молитвы.

Одно моленіе Петра особенно замѣчательно по торжественной и необычайной обстановкѣ. 10 мая 1721 г. молнія зажгла великолѣпную кирку св. Петра въ Ригѣ. Царь, бывшій тогда въ Ригѣ, поспѣшилъ на пожаръ, вошелъ внутрь кирки и ставъ на колѣни предъ олтаремъ молился до тѣхъ поръ, пока убѣжденія спутниковъ и увеличившаяся опасность не заставили его подумать о себѣ. Петръ великій, колѣнопреклоненно молящійся внутри горящаго храма,—это такая картина, которая такъ и просится на полотно.

Посмотримъ наконецъ на послѣдніе дни жизни Петра, такъ какъ вообще предсмертное настроеніе большею частію выражаетъ собою итогъ всей земной жизни. Болѣзнь Петра была тяжка и онъ не могъ удержаться отъ стоновъ и жалобъ. «Изъ мене познайте», говорилъ онъ окружающимъ, «колико бѣдное животное есть человѣкъ». Но вслѣдъ за тѣмъ Петръ перешелъ къ обычнымъ чувствамъ упованія на Бога и покорности воли Божіей. Когда одинъ изъ архипастырей, бывшихъ при одрѣ умирающаго, говорилъ ему о смерти пострадавшаго за насъ Христа Спасителя, Петръ какъ бы пробудясь отъ смертнаго сна коснѣющимъ языкомъ отвѣчалъ; *сіе едино жажду мою утоляетъ*; *сіе едино услаждаетъ мя*. На увѣщаніе архипастыря вѣровать въ милосердіе Божіе и отпущеніе грѣховъ, умирающій повторилъ нѣсколько разъ: *вѣрую и уповаю*.

Наконецъ послѣ молитвы предъ причащеніемъ, Петръ, собравъ остатки силъ, проговорилъ: «*вѣрую Господи и исповѣдую; вѣрую Господи*, *помози моему невѣрію*. И это были почти послѣднія слова его.

Великаго труженика не стало. Но онъ могъ умереть спокойно. На трудахъ его почило благословеніе Божіе, котораго такъ желалъ онъ. И духовный ораторъ въ надгробномъ словѣ Петру имѣлъ полное право заключить такъ:» не весьма же Россіяне! изнемогаемъ отъ печали и жалости; не весьма бо и оставилъ насъ сей великій монархъ и отецъ нашъ. Оставилъ насъ, но не нищихъ и убогихъ; безмѣрное богатство силы и славы его,.. при насъ есть. Какову онъ Россію свою сдѣлалъ, такова и будетъ; сдѣлалъ добрымъ любимою, любима и будетъ; сдѣлалъ врагомъ страшною, страшная и будетъ; сдѣлалъ на весь міръ славною, славная и быти не престанетъ. Оставилъ намъ духовная, граж-

данская и воинская исправленія. Убо оставляя насъ разлученіемъ тѣла своего, духъ свой остави намъ... О Россіе! видя кто и каковый оставилъ тебе, виждь и какову оставилъ тебе».

Екатерина I-я 1725—27

Нѣсколько иныя религіозныя струны звучали въ душѣ супруги перваго императора. Доброта, ласковость, услужливость, способность переносить всевозможныя неудобства и сохранять въ тоже время ровное и веселое настроеніе духа—вотъ тѣ качества, которыя сдѣлали Екатерину необходимою для Петра,—качества, соединеніе которыхъ предполагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и твердую религіозную основу. Испытавъ необыкновенные перевороты въ своей судьбѣ,—изъ дочери бѣднаго литовскаго крестьянина сдѣлавшись государынею обширнѣйшей въ мірѣ имперіи, Екатерина не могла не признать въ своей жизни особыхъ путей Промысла. Она не возгордилась, она не забыла о своей низкой долѣ, напротивъ самое выдающееся распоряженіе ея царствованія касается облегченія низшаго работящаго класса людей, къ которому сама когда-то принадлежала. Екатерина сознавала, что рука Божія, вознесшая ее на недосягаемую высоту, можетъ низвергнуть ее въ положеніе, худшее прежняго ничтожества. Живя при Петрѣ, Екатерина насмотрѣлась, какимъ пыткамъ и казнямъ подвергались лица, подпавшіе царскому гнѣву, и сознаніе непрочности своего собственнаго положенія постоянно держало ее въ сильномъ нравственномъ и религіозномъ возбужденіи. Лучшимъ плодомъ этого было ходатайство Екатерины предъ гнѣвнымъ Петромъ за провинившихся. »Кабы на государевъ жестокій

нравъ, да не царица, «говорили при дворѣ», такъ жить бы не возможно».

Вѣра въ Промыслъ Божій страннымъ образомъ соединилась въ сознаніи Екатерины съ вѣрою въ предчувствія и сновидѣнія.

Мѣсяца за два до смерти Петра, Екатерина подверглась страшному его гнѣву, а предъ этимъ видѣла слѣдующій сонъ, оказавшійся пророческимъ. Она видѣла, что постель ея внезапно покрылась змѣями, ползавшими во всѣхъ направленіяхъ. Одна изъ нихъ,—самая большая, бросилась на Екатерину, обвила кольцами ей всѣ члены и стала душить ее. Екатерина защищается, борется со зміею, и наконецъ задушаетъ ее. Тогда всѣ прочія мелкія змѣи поспѣшно сбѣжали съ ея постели. Екатерина истолковала себѣ этотъ сонъ такъ, что ей будутъ грозить большія опасности и что она выдетъ изъ нихъ невредима. Обстоятельства подтвердили истолкованіе.

Предъ смертію Екатерина видѣла другой сонъ, опять вѣрно истолкованный ею. Ей снилось, что она сидитъ за столомъ, окруженная придворными. Вдругъ появляется тѣнь Петра. Петръ одѣтъ, какъ одѣвались древніе римляне. Онъ манитъ къ себѣ Екатерину. Она идетъ къ нему и уносится съ нимъ подъ облака. Улетая она бросила взоръ на землю. Тамъ она увидала своихъ дѣтей, окруженныхъ толпою, составленною изъ представителей всѣхъ націй, шумно спорившихъ между собою.—Екатерина истолковала сонъ такъ, что она должна скоро умереть, и что по смерти ея въ государствѣ настанутъ смуты.

Такова была своеобразная религіозность Екатерины, свойственная только женской душѣ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Послѣдніе дни Іерусалима (переводъ сочиненія де Солси) пр. К. Л. Кустодіева.

Книга, заглавіе которой выписано, заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что ею о. пр. Кустодіевъ открывалъ рядъ подобнаго рода изданій, общедоступныхъ и общеполезныхъ. Надъ частнымъ заглавіемъ этой книги стоитъ общее заглавіе: «*Общедоступная христіанская библіотека*. Въ предисловіи о. Кустодіевъ говоритъ: «чтобы достигнуть занимательности въ нашей христ. библіотекѣ, при серьезности, мы хотѣли бы печатать въ ней наиболѣе общедоступныя замѣчательныя монографіи по всѣмъ отраслямъ христіанскаго вѣдѣнія и *особенно по исторіи христіанства*, знакомящія во всѣхъ подробностяхъ съ наиболѣе выдающимися лицами, событіями и эпохами,—и при этомъ монографіи только положительнаго характера, потому что для сочиненій, критически изслѣдующихъ предметъ и исторію христіанства, у насъ пока и не время и не мѣсто. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ въ нашей библіотекѣ мы хотѣли бы дать мѣсто книгамъ *по христіанской нравственности*, какъ въ положительномъ изложеніи, такъ и въ обычной нынѣ формѣ для распространенія всякаго рода мыслей,—въ формѣ романовъ.»—О. Кустодіевъ вполнѣ ясно сознаетъ всю трудность предпринимаемаго имъ дѣла, онъ не желаетъ дѣлать его поспѣшно, къ сроку, не обѣщаетъ того,—что *библіотека* его будетъ періодическимъ изданіемъ. Тѣмъ не

менѣе очевидно о. Кустодіевъ при выполненіи этого дѣла, какъ и всякаго предпринимаемаго имъ доселѣ, трудится весьма успѣшно и кромѣ вышедшей уже книги приготовляетъ къ печати сочиненіе «*нравственный законъ Христовъ*», а затѣмъ имѣетъ намѣреніе дать «*Словарь христіанскихъ древностей*». Можно потому навѣрное надѣяться, что *библіотека* будетъ состоять изъ многихъ книгъ и дастъ не менѣе, чѣмъ многія періодическія изданія. Первая вышедшая книжка *библіотеки* отличается особенною занимательностію, какъ по самому предмету своему, такъ и по изложенію. Авторъ сочиненія—Солси, человѣкъ военный, знающій всѣ подробности военнаго дѣла, лично осматривавшій слѣды осады Іерусалима, съ полною наглядностію представляетъ весь ходъ Іудейской войны. Кромѣ того Солси самъ глубоко интересуется описываемыми имъ событіями, находя въ нихъ большое сходство со многими событіями французской революціи. «Здѣсь и тамъ», говоритъ онъ, «мы находимъ туже самоотверженную любовь къ отечеству, тоже отвращеніе отъ чужеземнаго господства, туже любовь къ свободѣ, но—и туже слѣпую ненависть партій».—»Еще одно слово!« восклицаетъ онъ въ заключеніе своего вступленія; «никогда ни одинъ народъ не погибалъ такимъ великимъ и достойнымъ образомъ, какъ народъ іудейскій«. Это увлеченіе автора отражается и во всемъ его сочиненіи, придавая особенную живость и занимательность его изложенію. Для примѣра мы выпишемъ хотя разказъ о неудачѣ подъ стѣнами Іерусалима македонскаго отряда, бывшаго подъ предводительствомъ Антіоха Епифана. »Явившись среди войска Тита, Антіохъ громко сталъ выражать недоумѣніе, почему римляне медлятъ приступомъ. Слышать это было извинительно отъ только что явившагося въ

станъ человѣка, который былъ превосходный воинъ, неустрашимъ и полонъ силы и здоровья. На такую вспышку храбрости Титъ отвѣчалъ съ усмѣшкой: «именно нечего медлить съ такою самою простою вещію». Титъ, давая такой отвѣтъ на самонадѣянное замѣчаніе Антіоха, очевидно вызывавшій его: ну, поди, попробуй! хотѣлъ дать ему урокъ благоразумія, и далъ дѣйствительно такой, какъ нельзя лучше. Антіохъ не вытерпѣлъ и тотчасъ же бросился съ своими македонцами къ стѣнѣ на приступъ. Можно отгадать, какъ его приняли. Благодаря своей ловкости и хладнокровію, самъ Антіохъ избѣжалъ стрѣлъ Іудеевъ; но его молодые спутники въ мгновеніе ока почти всѣ попали подъ удары выстрѣловъ. По самолюбію они не хотѣли отступить тотчасъ же, но наконецъ они были принуждены отступить, когда ихъ всѣхъ переранили. Изъ этого они могли убѣдиться, что для побѣды недостаточно носить только имя македонянъ, но еще нужно имѣть и счастіе Александра Македонскаго. Раны дали понять македонцамъ, что римская тактика имѣетъ свою хорошую сторону и что война осадная весьма отличается отъ войны въ открытомъ полѣ».—По этому отрывку можно судить о достоинствѣ перевода. При чтеніи этого отрывка какъ и вообще при чтеніи всей книги, вовсе не чувствуется, что книга эта переведенная. О. Кустодіевъ, поставляя между прочимъ задачею своей *библіотеки* познакомить нашихъ братьевъ западныхъ славянъ съ чисто русскимъ литературнымъ языкомъ, въ первомъ своемъ трудѣ прекрасно выполняетъ эту задачу.

Въ первой книгѣ *библіотеки* нигдѣ не встрѣчается ни иностранныхъ оборотовъ рѣчи, ни безъ особенной крайней необходимости употребленія иностранныхъ словъ. Всѣ

эти достоинства сочиненія и достоинства перевода дѣлаютъ книгу о. Кустодіева весьма легкою для чтенія и весьма полезною для всякаго читателя.

Кромѣ занимательности и общедоступности по изложенію книга о. Кустодіева имѣетъ и научное значеніе. Правда научной и серьезной постановки въ ней мало: во всей книгѣ нѣтъ никакихъ обобщеній, никакой систематизаціи даннаго матеріала. Въ самомъ изложеніи также мало серьезности у автора: увлекшись своимъ краснорѣчіемъ, онъ допускаетъ иногда очень странныя выраженія, въ родѣ слѣдующихъ: «свободы слова не существовало; и то было много, что люди могли думать въ тихомолку (стр. 22); Албинъ злодѣй совѣстливый (22); безславное предательство, стоившее нѣсколько сотъ жизней для римской имперіи (44); Іосифъ *съ особеннымъ удовольствіемъ* распространяется о заслугахъ своего собственнаго правленія. Я не буду расказывать всѣхъ его подробностей, которыя онъ *съ весьма похвальною искренностію* передаетъ о своемъ правленіи» (62) и т. д. (112, 174—24, 68). Точно также иногда дѣлаетъ авторъ—весьма странныя уклоненія отъ предмета своего разсказа. Такъ напр. упомянувъ, что Іосифъ Флавій описываетъ пристань Яффы, какъ весьма неудобную и опасную, авторъ замѣчаетъ, что и теперь она находится въ такомъже положеніи, и вдругъ начинаетъ бранить турецкое правительство: »множествомъ несчастныхъ случаевъ на морѣ близь этого негостепріимнаго берега турецкое правительство не тревожится и если отъ него требуется нѣсколько милліоновъ, чтобы дать людямъ возможность не утопать, то оно найдетъ болѣе разумнымъ предоставить эти милліоны мотать своимъ уже слишкомъ умнымъ правителямъ. Въ Сиріи недостатка въ налогахъ

нѣтъ: ими обложено все и каждый день выдумываются еще новые. Но есть столько получателей (сколько бы громаднымъ число ихъ не воображали, но вѣрно оно будетъ всегда ниже дѣйствительности), что въ государственное казначейство отъ этихъ налоговъ не попадаетъ почти ничего. Бѣдная страна, которая легко могла бы сдѣлаться самою лучшею страною въ мірѣ».—Тѣмъ не менѣе книга о. Кустодіева имѣетъ научное значеніе. Солси съ достаточнымъ критицизмомъ относится къ своему главному источнику «разсказу о Іуд. войнѣ Іосифа Флавія» и, судя о военныхъ дѣлахъ съ полною компетентностію какъ военный, прекрасно отмѣчаетъ всѣ мѣста у Флавія, гдѣ тотъ историкъ или преувеличилъ дѣйствительное, или чего нибудь не досказалъ, или передалъ невѣрно. Такъ напр. Солси съ недовѣріемъ относится къ разсказу Флавія объ Іоаннѣ изъ Гискалы, какъ о человѣкѣ, не имѣющемъ никакихъ достоинствъ. «Мнѣ кажется, «говоритъ Солси,» трудно повѣрить, чтобы человѣкъ, который имѣетъ всѣ пороки и ни одного добраго качества, могъ пріобрѣсти расположеніе народа до того, что сдѣлался однимъ изъ трехъ самыхъ вліятельныхъ личностей, которыхъ Іудеи избрали своими начальниками въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ» (64—65 стр.). Еще болѣе не довѣряетъ Солси повѣствованію Іосифа будто, когда пронеслась вѣсть объ его измѣнѣ, до 100000 Іудеевъ собралось къ Тарихесу, которымъ онъ управлялъ. «Если когда нибудь Іосифъ могъ проговориться и высказать страшную несообразность, то это именно въ настоящій разъ. И, Боже мой, откудаже вышли эти сто тысячъ человѣкъ? И какъ они могли собраться и явиться въ Тарихесъ въ промежутокъ отъ вечера до утра? Вѣрно Іосифъ былъ въ страшномъ испугѣ, что счелъ толпу въ какіе-нибудь 10,000 за цѣлую сотню

тысячь» (67 стр.). Не довѣряетъ Солси и многимъ другимъ подобнымъ цифрамъ у Іосифа (69 стр. 98—71), называя подобныя преувеличенія и сокращенія дѣйствительныхъ цифръ отличительною чертою всякихъ военныхъ бюллетеней какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ временъ. Точно также, по мнѣнію Солси, искажены Іосифомъ всѣ тѣ рѣчи, какія произносились римскими и іудейскими военачальниками въ своимъ войскамъ. Іосифъ передаетъ большею частію рѣчи длинныя, витіеватыя, иногда наполненныя философскими разсужденіями, между тѣмъ отличительною чертою всякихъ военныхъ воззваній всегда было и будетъ краткость и простота. Поэтому всѣ рѣчи приводимыя Іосифомъ, какъ не имѣющія историческаго значенія, Солси пропускаетъ. Подобныхъ примѣровъ критическаго отношенія Солси къ своему первоисточнику—повѣствованію Іосифа Флавія очень много въ книгѣ.

Кромѣ первоисточниковъ Солси познакомился и съ изслѣдованіями замѣчательнѣйшихъ писателей Салвадора Шампаньи и Гродуа по исторіи іудейскаго народа во время его паденія. Результатами этихъ изслѣдованій Солси воспользовался съ должною серьезностію, и такимъ образомъ книга его представляетъ собою послѣднее слово науки относительно даннаго вопроса.

Наконецъ весьма цѣнны въ научномъ отношеніи находящіяся по мѣстамъ въ книгѣ Солси археологическія поясненія и замѣчанія.

Такимъ образомъ и ученый читатель можетъ въ изданной книгѣ о. Кустодіева найти много интереснаго и новаго для себя. Объ одномъ только конечно пожалѣетъ и ученый и неученый читатель,—о томъ, что къ книгѣ о. Кустодіева не приложено накакой карты, никакого плана

осады; доказывать необходимость подобной карты и подобнаго плана нѣтъ нужды. Самъ Солси во вступленіи весьма краснорѣчиво высказался о значеніи нагляднаго изученія.— «Изученіе мѣстности», говоритъ онъ «можетъ дать рѣшеніе множеству вопросовъ, оставшихся не разрѣшенными для самыхъ добросовѣстнѣйшихъ тружениковъ, которые однакоже изучали этотъ предметъ внутри своихъ кабинетовъ и только по книгамъ. Глазъ, аршинъ, отвѣсъ въ недѣлю объясняетъ гораздо больше, чѣмъ цѣлые годы упорнаго труда, который предпринимается только на основаніи чужихъ словъ».—Совершенно тоже можно сказать и о значеніи плана.

ЭПИТАФІИ ФУНДАТОРАМЪ КІЕВО-ПЕЧЕРСКІЯ ЛАВРЫ.

изъ Тератургимы

Аѳанасія Кальнофойскаго.

(Продолженіе) [1].

XVII.

Михаилъ Корибутовичъ, князь Вишневецкій, оставивши здѣсь смертные останки, 1584 г., 16 окт., во второмъ часу ночи съ понедѣльника на вторникъ, переселился въ вѣчную жизнь.

Авторъ, вспомнивъ весну, которая ежегодно воскрешаетъ свою увядшую зелень, и посмотрѣвъ на чело-

---

[1]) См. кіевск. еп. вѣд. № 14 и 19.

вѣка, который прошедши предѣлы своей жизни, многіе годы долженъ ожидать своего обновленія, скорбѣлъ о человѣческой участи и ставши печальный предъ симъ гробомъ написалъ:

Въ семъ мраморѣ ожидаетъ воскресенія изъ мертвыхъ потомокъ князей Гедимина, Димитрія Корибута, польскаго короля Ягелла, Скиргайла и Свидригайла, сынъ Маріи, княжны Шведской, мужъ отважный, благочестивый, другъ справедливости, отецъ сиротъ и убогихъ, Михаилъ Корибутовичь князь Вишневецкій, каштелянъ Кіевскій,—Каневскій, Черкасскій и проч. староста.

Кто идетъ мимо пусть скажетъ:

Господи! Когда придешь судить, не погуби въ то время Княжеской души.

XVIII.

К. Θеодоръ Ивановичь Ярославичь
послѣ житейскихъ заботъ здѣсь покоится.

Унаслѣдовавши большія владѣнія, Θеодоръ Ярославичь Ивановичь многихъ превосходилъ

Родовитостію
Могуществомъ
Способностями.

Когда же взятъ былъ изъ сего земнаго жилища съ Дульчицкимъ, этимъ убогенькимъ Иромъ, сравнялся, во владѣніе взялъ семь пядей земли; такой перемѣнѣ ты, читатель, не удивляйся, тоже самое случится и съ тобою.

По опыту самъ знаешь, что родимся мы не равными, но равными умираемъ.

Къ № 20-му.

XIX.

Александръ Александровичъ Корибутовичъ, князь Вишневецкій, послѣ трудовъ въ сей жизни, здѣсь избралъ себѣ успокоеніе. 1577 г. апрѣля 3, въ 6 часу ночи со вторника на среду. Жилъ 33 года и 4 мѣс.

Xięstwo	ktokol	wiek	moy przepomni marnie
Moie	dźie	dźic	zéiac ten
	opanu	ie	sli,
Roczne	duszy	mey	mu przed Bogiem woli
niechay	voti	wy	rok
	sprawu	ie	den zazli
Ja na	Wiszniow	cu	downe zaprowadzi
	Xiaże	A	barz
	Lexander	tego	w knieie
Potrze	buię	iak	o przestempny karzac
Dlugu	od nastemp	ce	ł, ie
	me	go	sumnienie.

(Переводъ первыхъ трехъ столбцевъ эпитафіи можетъ быть такой «Княжество мое какой бы наслѣдникъ ни получилъ во владѣніе, пусть ежегодно за мою душу совершаетъ поминовенія. Я князь Александръ Вишневецкій,—какъ долга, требую сего отъ своего преемника.

Во второй половинѣ эпитафіи заключается угроза наслѣднику, если бы онъ забылъ завѣщаніе князя; за такое небреженіе князь угрожаетъ судомъ Божіемъ и мученіями совѣсти).

XX.

1576 года, Августа 19 дня.

Евфимій Богушъ Өеодоровичъ, князь Корецкій, воевода Волынскій, староста Луцкій, Брацлавскій, Винницкій и Звѣнигородскій, вычеркнутый изъ списка живыхъ, приказалъ здѣсь схоронить его кости.

Въ то время, какъ другихъ очень страшитъ то,
Что каждый часъ все больше разверзаются врата выхода
изъ сей жизни;

Евфимій ужъ свободенъ отъ такого страха,
Будучи взятъ въ небесную обитель.
Онъ несетъ почести высшихъ воеводствъ и старостъ,
Достигнувши вѣчности въ небесномъ царствѣ.
Въ семъ склепѣ съ своими родственниками
Онъ положилъ тѣло; душа же его вмѣстѣ съ ними предъ Богомъ
Служитъ, куда добродѣтели вводятъ того,
Кто носитъ ярмо и тяжесть своего Господа.
Евфимій! какъ я желаю достигнуть
Того счастія, какимъ уже ты обладаешь.

АЛЕКСАНДРОВСКОЕ РЕМЕСЛЕННОЕ УЧИЛИЩЕ ВЪ КІЕВѢ.

18-го сентября сего года происходило открытіе перваго ремесленнаго училища въ Кіевѣ. Инициатива основанія этого, давно желаемаго въ нашемъ городѣ учебнаго заведенія, принадлежитъ, какъ говорятъ, нѣкоторымъ частнымъ лицамъ, пожертвовавшимъ на сей предметъ до 80 тысячъ руб. сер. Въ настоящее время *учениковъ, принятыхъ по испытанію въ училище, оказалось:*—101. Изъ нихъ до 60 дѣтей офицерскихъ, чиновническихъ и духовныхъ лицъ. Главная и существенная задача училища поставляется въ томъ, чтобы приготовить свѣдущихъ ремесленниковъ и дать имъ общее, начальное образованіе, исключительно приспособленное къ ихъ спеціальнымъ занятіямъ. Курсъ обученія имѣетъ продолжаться 6 лѣтъ; въ теченіе его воспитанни-

камъ будутъ преподаны слѣдующіе предметы: законъ Божій, грамматика, ариѳметика, главныя основанія геометріи, отечественная исторія, географія, черченіе и рисованіе. Ремесла же, которыя предположено преподавать въ училищѣ, раздѣляются на пять группъ или отдѣленій: 1-е отдѣленіе—слѣсарно кузнечное, 2-е—сапожно-башмачное и шорное, 3-е—столярно-токарное, 4-е—издѣлій мѣдныхъ, оловянныхъ и жестяныхъ, 5-е—портняжно-швейное. Въ настоящее время открыты три первыя отдѣленія; для каждаго изъ нихъ существуетъ особая мастерская, снабженная достаточнымъ количествомъ станковъ, орудій и инструментовъ. Матеріалы, необходимые для занятій, доставляются на счетъ училища. Для обученія ремесламъ приглашены мастера и притомъ по нѣсколько человѣкъ на каждое отдѣленіе, чѣмъ училище исключительно обязано городской думѣ. По пріемному испытанію оказалось возможнымъ на первый разъ открыть только три класса. Въ составъ служащихъ при училищѣ входятъ слѣдующія лица: инспекторъ (онъ же и преподаватель одного изъ предметовъ) и предсѣдатель училищнаго совѣта, его помощникъ, два члена по назначенію отъ думы и преподаватели каждаго предмета, по преимуществу лица, окончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Училище находится подъ главнымъ вѣдѣніемъ г. Попечителя учебнаго округа и подъ ближайшимъ попеченіемъ и надзоромъ кіевскаго городскаго управленія. Въ училище допускаются дѣти всѣхъ сословій христіанскихъ вѣроисповѣданій, съ платой за ученіе по 10 р. въ годъ. Лицъ несостоятельныхъ совѣтъ освобождаетъ отъ этой платы. По мѣрѣ вмѣстимости въ училище принимаются своекоштные воспитанники съ платой въ годъ 140 р. и 25 р. единовременно на первоначальное обзаведеніе. Дѣти-же бѣднѣйшихъ, и

притомъ исключительно, горожанъ Кіева принимаются на полное училищное содержаніе, въ количествѣ 15-ти, а за тѣмъ и болѣе, по мѣрѣ открытія новыхъ стипендій.

По удовлетворительномъ окончаніи курса въ училищѣ ученики въ теченіи двухъ лѣтъ остаются подъ непосредственнымъ наблюденіемъ училищнаго совѣта, который помѣщаетъ ихъ у лучшихъ и благонадежнѣйшихъ мастеровъ, извѣстныхъ совѣту по значительному производству ихъ ремесла, или—на заводахъ, въ качествѣ подмастерьевъ по контрактамъ на выгодныхъ условіяхъ. По прошествіи двухъ лѣтъ воспитанники возвращаются съ аттестатами мастеровъ, у коихъ находились, въ училище, гдѣ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ обязаны изготовить, по назначенію училища, въ его мастерскихъ издѣлія своего ремесла. Эта работа подвергается осмотру въ присутствіи совѣта, училищныхъ мастеровъ и приглашенныхъ управою лучшихъ мѣстныхъ мастеровъ того цеха, къ которому принадлежитъ мастерство испытуемаго, и если искусство его будетъ признано вполнѣ удовлетворительнымъ, то онъ получаетъ званіе мастера, въ чемъ и выдается ему отъ училища аттестатъ за подписями членовъ Совѣта. Воспитанники, коихъ работа признана неудовлетворительною, оставляются подмастерьями еще на годъ, по истеченіи коего могутъ вновь просить училище о дозволеніи имъ представить для испытанія свое издѣліе. На открытіе мастерской въ Кіевѣ воспитывавшіеся на иждивеніи училища,—а равно и вольноприходящіе, участвовавшіе въ исполненіи работъ по заказамъ и съ успѣхомъ окончившіе курсъ,—получаютъ пособіе изъ запаснаго капитала училища, если откроютъ таковую не позже двухъ лѣтъ по окончаніи полнаго курса.

РѢЧЬ,

сказанная священникомъ Е. Ф. при открытіи Александровскаго ремесленнаго училища.

Дѣти! Сегодня всѣ вы въ первый разъ собрались сюда. Собрались вы, конечно, для того, чтобы помолиться Господу Богу предъ началомъ ученія,—помолиться о томъ, чтобы Онъ—Преблагой, Всещедрый даровалъ вамъ Духа премудрости для уразумѣнія того, что будетъ вамъ преподаваться и, вмѣстѣ, дабы укрѣпилъ ваши тѣлесныя силы, столь необходимыя при всякомъ трудѣ.

Съ завтрашняго дня вы уже приступите къ занятіямъ. Конечно, вы еще не можете сознать всей той пользы, какая предстоитъ вамъ отъ этихъ занятій, не можете потому уже самому, что вы входите сюда не по своимъ предвзятымъ соображеніямъ, а потому лишь, что васъ ввели родители,—родители, которые ясно сознаютъ будущій плодъ вашихъ запятій. Зная это, я считаю умѣстнымъ, прежде молитвы, сказать вамъ нѣсколько словъ о томъ, куда вы входите и для чего?

Благодаря кіевскому обществу, пожертвовавшему деньги, устроено это ремесленное училище съ цѣлью дать возможность всѣмъ желающимъ воспитаться въ немъ и пріобрѣсть средства къ жизни,—быть мастерами различныхъ ремеслъ. Благодареніе добрымъ людямъ, предпринявшимъ и доведшимъ это дѣло до конца.

Так. обр. вы вступаете въ ремесленное училище для того, чтобы научиться какому-бы то ни было ремеслу,

выйти мастеровыми, получить средства не только для своего существованія, но, быть можетъ, и для поддержки родителей. Здѣсь обучившись и научившись, проще—сдѣлавшись людьми, знающими мастерство, вы уже не будете послѣ нести тяжелаго, неблагодарнаго труда, каковъ напр. трудъ носильщиковъ тяжестей и т. п. Правда и вашъ трудъ, какъ трудъ мастероваго, тоже не легокъ, но за то онъ много и много благодарнѣе. Вы будете выпущены изъ училища подъ его же непосредственнымъ покровительствомъ, т. е., будете отдаваемы въ лучшія мастерскія за вознагражденіе, а кому откроется возможность, у кого будутъ средства, тотъ и самъ можетъ открыть мастерскую,—вамъ будутъ также даны аттестаты въ томъ, что вы знаете мастерство. Вотъ что ожидаетъ васъ впереди. О чемъ-же вамъ предстоитъ помолиться Господу Богу? Предстоитъ молиться и просить Его Всеблагаго, да дастъ Онъ вамъ силы къ уразумѣнію всего того, что будетъ преподаваться.

Но это одна сторона дѣла. Богъ милостивъ. Молитва ваша, если она будетъ искренняя, сердечна, услышится и Онъ—Всеблагой низпошлетъ на васъ Духа премудрости, Духа разума къ воспріятію преподаваемаго вамъ. При такой помощи, конечно, вы выйдете людьми знающими. Но этого недостаточно. Вы можете быть свѣдущими, даже болѣе—учеными въ извѣстномъ ремеслѣ, но—въ тоже время—неблаговоспитанными, т. е. людьми грубыми, неблагонамѣренными, вѣрнѣе—такими людьми, которыхъ мы называемъ—порочными, негодными. Тогда и знаніе ваше будетъ безплодно. Всякій скажетъ: «онъ неблагонадежный человѣкъ, на него ни въ чемъ нельзя положиться»! Поэтому-то я обращаю ваше вниманіе на другую сторону дѣла, именно: нужно воспитывать, лелѣять и усовершать въ сердцѣ своемъ лю-

бовь къ добру, правдѣ, прямымъ дѣйствіямъ, вообще воспитать и образовать въ себѣ образъ дѣйствій такой, въ которомъ-бы всегда отображалось слѣдующее правило: *не дѣлай другому того, чего самъ себѣ не желаешь;* поступай съ другимъ такъ, какъ-бы ты желалъ, чтобъ съ тобой поступали, короче помни заповѣдь Христа—Спасителя: *люби ближняго, какъ самого себя.* Воспитать-же такое истинно-христіанское чувство вы можете не тѣмъ только, что научитесь различнымъ свящ. истинамъ православной церкви, каковы: молитвы, символъ вѣры, десять заповѣдей, свящ. исторія и т. п., а тѣмъ, если они войдутъ въ ваше сердце и лягутъ какъ сѣмена на доброй почвѣ, тѣмъ, если вы ихъ сознаете какъ истины божественныя, тѣмъ если вы ихъ прочувствуете, вкорените въ себѣ и приложите къ жизни. Знайте, что честный, прямой, искренній, проникнутый христіанскою любовью образъ дѣйствій бываетъ поучительнѣе самыхъ пространныхъ и краснорѣчивыхъ разсужденій о вѣрѣ.

Помолитесь-же дѣти съ теплою душою, да укрѣпитъ васъ Господь во всемъ на предлежащій подвигъ. И вы родители присоедините къ Господу молитву, да даруетъ Онъ вашимъ дѣтямъ *силы, яже къ животу.* Общая молитва предъ Богомъ сильнѣе и дѣйствительнѣе единичной. Помолимся!

Содержаніе: Слово въ день покрова пресвятыя Богородицы.—Религіозный характеръ царствовавшихъ въ Россіи лицъ отъ Петра I-го до Павла I-го.—Библіографія.—Эпитафіи фундаторамъ кіево-печерскія лавры.—Александровское ремесленное училище въ Кіевѣ.—Рѣчь сказанная свящ. Е. Ф. при открытіи Александровскаго ремесленнаго училища.

Печ. позвол. Кіевъ 16 Октября 1874 г. Цен. прот. **М. Богдановъ.**
Въ Типографіи аренд. С. В. Кульженко.